

Олег Ф. Жолобов

Особенности половинного счета в древнерусском языке

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 2, 61-69

2006

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Олег Ф. Жолобов*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛОВИННОГО СЧЕТА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОЛОВИННОГО СЧЕТА

В северных индоевропейских диалектах получили распространение составные числительные со значением ‘один с половиной’, ‘семь с половиной’, ‘пятнадцать с половиной’ и т. п. Кроме балто-славянских языков эти числительные встречаются в датском и шведском языках, а также в неродственном, финском, языке (Comrie 1992: 814–815). Числительные половинного счета представлены во всех славянских группах, что позволяет реконструировать праславянские формы. Как и в упомянутых языках, в праславянском модель половинного счета имеет следующий вид: **poľ v̆tora*, -y ‘один с половиной’, **poľ se(d)ma*, -y ‘шесть с половиной’, **poľ šesta*, -y *na desęte* ‘пятнадцать с половиной’ и т. д. Формы порядковых числительных являются родовыми. Их особый морфосинтаксический характер подтверждается устойчивым сохранением именных (нечленных) форм порядковых числительных во всех славянских языках. Ср. примеры половинных числительных в серболужицких языках (нижнем и верхнем), которые отличаются сохранением значительного числа грамматических архаизмов: *póltera*, *połdra* ‘один с половиной’; *pólpěta*, *połpjata* ‘четыре с половиной’; *póldwažasta*, *połdwaceta* ‘девятнадцать с половиной’ и под. (Mucke 1891: 447).

2. ПОЛОВИННЫЙ КВАНТИТИВ В РАННЕДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чрезвычайно отчетливо частеречная природа числительных выступает в последовательном противопоставлении членных форм порядковых числительных в свободном употреблении и именных форм порядковых числительных в составе конструкций половинного счета. Прилагательные, с которыми зачастую отождествляют порядковые числительные, ни в раннедревнерусском языке, ни тем более в праславянском языке не связаны с последовательным разграничением членных и именных форм.

* Uniwersytet Kazański.

Поскольку считаемые предметы могут иметь сложносоставное или дробное строение, порядковые числительные при счете таких предметов фиксируют целое число, предшествующее порядковому числительному, и указывают на переход к счету частей последующего предмета. Ср.:

на азыгоутѣ и на погощахъ ѿ коунъ семѣхъ гр(в)нѣ : доубровнѣ на хрипанѣ : ѿ третьѣхъ гр(в)нѣ ГрБ № 526 (2 тр. XI).

Эта особенность порядкового счета сейчас ярко выступает в типичном определении возрастной хронологии. Ср. такой счет в обычном диалоге:

- Сколько сыну лет?
- Десятый (идет, пошел).

Числительное *десятый* в ответе подразумевает, что мальчику исполнилось полных девять лет, а после этого прошло еще какое-то время.

Именно подобная логика при употреблении порядкового числительного выступает в следующей позднерусской записи:

втъ рж(с)тва глѣ до сего лѣта ·· лѣтъ и две сте летъ и семь десѣтъ лѣтъ и три лѣта · а на четвертое лѣто псана ГрС, 66 (1284).

В половинном квантитативе порядковое числительное обозначает целое число единиц, предшествующее порядковому числительному, и половину названной числительным единицы, т. е. **polъ tretъja voza* – это ‘два с половиной воза’. Числительное в этой конструкции всегда получало согласовательную форму РП, употребление которого обуславливалось зависимостью от существительного **polъ*, которое выступает в счетно-количественном значении. В Р–МП употребляются исконные формы *ъ-основ полоу*. Как и следовало ожидать, полнее всего этот морфосинтаксический образец представлен в хозяйственно-бытовых текстах – в берестяной письменности. См.:

2½

радѣтѣ не възѣто *полъ третъѣ* гривнѣ ГрБ № 799 (посл. четв. XII); а гриди *полъ третье* <гривь>нѣ оклада же 788 (1 четв. XIII);

3½

по *пол<оу цетвь>рѣтѣ* н<а> мѣсѣчъ ГрБ № 806 (посл. четв. XII); ѿ игната къ климѣтѣ възми оу доушилѣ ... *полъ цетвѣртѣ* грѣнѣ 381 (XII); възми *полъ чевтьвѣртъ* <так!> гривни 219 (к. XII – 1 четв. XIII);

4½

а не присълещи <так!> ми *полоу пѣты* гривны а хоцоу ти выроути въ тѣ лоуцъшаго новъгорожѣнина ГрБ № 246 (XI)¹; несъдицеви *полъ пѣтѣ* рѣзанѣ ГрБ № 238 (к. XI – 10

¹ В издании отмечается, что эта грамота имеет смоленско-полоцкое происхождение.

ХП); § городила ·е· къ куне · § пѣтѣтъкъ *поль пѣте* ГрБ (ст.-р.) № 5 (ХП₁); оу орышинее *поло пѣтъ* рѣзане 21 (ХП₁); оу милокъ ѡкиме : *пло пѣтъ* 216 (ХП₁);

5½

а § моисеа *поль шесте* гривне кѣнами възьми ГрБ № 710 (сер. ХП);

6½

ж мирѣтъкъ бес *полоу семе* коунѣ ·ѣ· вне <так!> ГрБ № 631 (10–40 ХП); на полти *по(л) ·з·* рзне 609 (ХП/ХП₃);

7½

а за мною *пло осмь* гри(внь) ГрБ № 621 (50 ХП – 10 ХП₃);

8½

поль двѣтъ ГрБ № 721 (40–70 ХП)²; а ть сърочьке и *поль двѣтъ* ... 681 (50–90 ХП); сморочьва рала заплатила *пло двѣтъ* кѣне 663 (80–90 ХП);

9½

§ тодорька *поль десѣтъ* <е> грѣвнѣк серебра ГрБ № 710 (сер. ХП); оу медовеника десѣтъ коуно <оу> ... жѣнина *поло десѣте* коуне 833 (сер. ХП); на ·ѣ· коуно безъ *полоу ·ѣ·* кне ... на рѣжи *поль ·ѣ·* коуне 609 (ХП/ХП₃).

Порядковые числительные имеют диалектные формы РП жен. рода на *-ѣ*, а не на *-ы*. Они последовательно отражают обобщение мягкого склонения. Орфографические особенности берестяных грамот проявляются в варьировании РП жен. рода на *-ѣ*, *-ь*, *-е*. Исконная форма встрети́лась в грамоте, которая имеет смоленско-полоцкое происхождение (см. Зализняк 1995: 254):

а не присълеци <так!> ми *полоу пѣты* гривны а хоцоу ти выроути въ тѣ лоуцьшаго новьгороджнина ГрБ № 246 (ХП).

Числительное ‘1½’ в берестяных грамотах встречается только в новой форме *полоутора*, *полоуторѣ* < *полоу вътора*, *полоу въторѣ*. Ее развитие в берестяных грамотах обусловлено, как полагает А. А. Зализняк (1995: 149, 317), фонетическим характером *ѡ* = *и*. См.:

во *полоуторѣ* гривь<не> ГрБ № 831 (сер. ХП); оу даброжира <так!> *полоуторе* : оу ѡрышекоее даѡѡте <так!> 228 (60–90 ХП).

Следует уточнить, что это изменение скорее всего являлось позиционным: губно-зубная артикуляция *ѡ* испытывала воздействие предшествующего сильноогубленного *у*. Ср. в книжном источнике иной диалектной принадлежности:

столь же малъ повелѣ сътворити ·ѣ· лакътъ въ дълготоу · а въ ширьню *полоуторы* пади СБУ ХП/ХП₃, 1316.

² Фрагментированная грамота.

Половинный квантитатив числительных ‘11’–‘19’ выражается по тому же образцу на основе соответствующих порядковых числительных. Ср.:

10½

оу дьмитра *поль* : *аѣѣ* гривень ГрБ № 168 (30–50 XII); на овсе *поль* ·*а*· на ·*ѣ* кне 609 (XII/XIII).

Половинные значения составных числительных от ‘20’ до ‘90’ выражались на основе порядковой формы первого числительного, обозначающего единицы и согласованного с числительным ‘10’ в РП *десѣте*. Порядковое числительное в этом случае обозначало предшествующее ему целое число десятков и половину названного десятка, т.е. ‘5’. См.:

35

а ѣ ильке възми ѣ медын<и>ц<а> *поль четверѣта дес<ѣте>* р<е>занѣ ГрБ № 710 (сер. XII); въ *поль четверѣта десѣте* гривень Надп XII³;

45

Ѣ домагости къ хотѣноу ѣзъскѣ роздружили *поль пѣта десѣте* гривень ГрБ № 902 (XI/XII).

В половинном квантитативе, по-видимому, нельзя выразить значение ‘95’ (ср. ‘9½’), поскольку ‘90’ является верхним уровнем счета, а далее следовала начальная единица нового уровня – ‘100’. Любопытно, что этой особенности соответствует развитие нового числительного *девѣносьто*.

Порядковое числительное *първъ* в простом половинном квантитативе не употребляется, так как *поль* имеет искомое значение ‘½’:

на нѣжъкѣ на прѣжневици : *поль* : *гр(в)нѣ* ГрБ № 526 (2 тр. XI); грамота отъ ѣиѣ отъ дьмитра пльсковѣ ко либинѣ : ко мостокѣ то ти маѣть въ *поло гривнѣ* 776 (30–50 XII); ножевь ·*нѣ*· *поль грѣнѣ* 438 (XII/XIII) и под.

Вне половинного квантитатива в берестяных грамотах, как и в других текстах, употребляются лишь полные формы порядковых числительных:

ми не присълеци <так!> то *девѣтое* лето ГрБ № 246 (20–50 XI); на азьгоутѣ и на погощахъ ѣ: коунѣ *семѣтѣ* гр(в)нѣ : доубровнѣ на хрипанѣ : ѣи *третьѣтѣ* гр(в)нѣ 526 (2 тр. XI); димитриѣ хръстину а на *другои* евана марие : а на *третиеи* евана а *четвертой* сьмьона 602 (20–50 XII); на *третьемъ* ·*дѣ*· 609 (XII/XIII); а *третеее* <сани> возале 601 (XII/XIII)⁴.

³ Эта датировка А. И. Соболевского приводится в новой публикации надписи у А. А. Медынцевой (2000: 116–117), которая дает другую датировку – конец XII в. – рубеж XII–XIII вв. Оценка А. И. Соболевского более реалистична в лингвистическом отношении.

⁴ Последний пример особенно показателен. Членная форма сохраняется даже в случае стечения одинаковых гласных звуков и букв.

В других памятниках, где в этот период встречается половинный квантитатив, могут быть указаны лишь единичные его примеры⁵:

а ѣзь даль роукою своею • и осеннее люлюднє даровноу *поль третиа десяти* гривнь Гр ок. 1130⁶; а оного засьлавше въ съвабы • дрьжаша *поль третиа лѣта* СБУ XII/XIII, 107a (ЖМ)⁷.

Половинный квантитатив встречается в переводных текстах:

хвѣ же оугодникъ. за *полоу вѣтора* лѣ(т) въ змурьскѣмъ стражици. съ блгодариємъ тьрпаше вса ЖФСт к. XII, 141 об. (ἐπὶ χρόνῳ ἐνὶ καὶ ἡμίσει)

Примеры доказывают, что половинные обозначения не имели жанрово-стилистических ограничений.

В переводных памятниках используется также иной образец половинного счета – с прибавлением *поль* ‘1/2’ к числу, обозначенному количественным числительным. Судя по греческим параллелям (см. также ЖФСт к. XII, 141 об.), это кальки:

з. *лѣтъ и поль* ПсЧ XI, 116б; сътвори въ неи *дѣвѣ лѣтъ и поль* ПС к. XI, 63 об. (δύο ἡμισυ χρόνου).

В УСт к. XII встречаются почасовые обозначения времени с помощью конструкций, в которые входят существительное *половина* и порядковое числительное:

Вѣсто ѣсть • тако праздникъ пр(д)тча • вса ранѣе подобаетъ быти • паче прочихъ дѣвъ поста • и клепати • г. чл(с) • въ *половиноу третиаго* чл(с) дѣе • а шестыи въ *половиноу четвъртаго* • а деватыи чл(с) • пѣтоумоу чл(с) коньчѣвающюса 146.

3. ДИНАМИКА ПОЛОВИННОГО КВАНТИТАТИВА В ПОЗДНЕДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД

Половинный квантитатив первоначально являлся морфосинтаксическим образованием, идиомой, поэтому все нумеративные формы в нем были связанными. В нем, как было показано, отложились архаичные

⁵ Однако примеры половинного счета есть и в поздних списках ранних памятников – например, летописей. См. 3.19.

⁶ Т. е. ‘25’.

⁷ Оба примера из оригинальных славянских текстов. Второй текст переписан с древнеболгарского Жития Мефодия.

именные формы порядкового счета. Поэтому искусственными, гиперкорректными следует считать членные формы, которые встретились в КН 1285–1291:

и ·а·и ѡбразъ до *полоу* ·й·го дни быти рѣша ·в·е же ѿ *полоу семаго* до ·г· до ·б· КН 1285–1291, 566б.

Во всех других случаях генотип сохранен без перемен. Более того, архаичные числительные половинного счета использовались и в старорусской разговорной речи (Жолобов 1998: 228–229). См.:

оу милого<ст>- *полоу пять* деже ГрБ № 320/337 (XIII/XIV); стадии имоуща ·м· бываемыа версты *поль семы* ГА XIV₁, 92б; городецкѣ *поль пьаты* ·гри(в) УСвят 1136/1137 сп. сер. XIV, 631б; по рукописанию възале рубель ·а прочи рукописаниа · *поло третиа* рубля ГрБ № 689 (60–80 XIV); да сего тридесате · и *поль сема* дѣе · также рѣхомъ се есть десѣтина ПНЧ к. XIV, 194г; панъ староста творьанъ. възать. на твою потреби ·л· гривенъ. и *поль третью* гривны. половица тѣхъ пѣнази ГрЮЗ № 18 (1386–1418).

Нет надежных свидетельств в пользу универбации половинных числительных. Напротив, можно привести доказательства самостоятельности и раздельности членов в половинном квантитативе. Об этом говорит буквенная цифирь в поздних источниках и удивительный пример со словесным дублированием цифири, а также правильное употребление Р–МП *полоу*:

ре(ч) жена *поль ·г·и* хлѣба принесохъ СбЧуд к. XIV (1), 64б; *поль г̃ третии* <так!> ржи ГрБ № 161 (10–20 XV); и стояша *поль ·г̃·* не(д)лѣ. И не възпѣвше ему ничтоже ЛИ ок. 1425, 182 об.; и не доплатил коуморде ·к· гривенъ серебра · и *полоу третие* гривне серебра ГВНП № 332 (н. XIV).

Тем не менее есть основания полагать, что тенденция к универбации все же действовала и, таким образом, половинные числительные в это время воспринимались двояким образом: традиционно – как идиомы *поль сема*, *поль осма (года)* и под. И по-новому – как универбы *полсема*, *полосма (году)* и под. О новом восприятии свидетельствуют следующие факты. Хотя *оу* в *полоутора* ‘1½’ первоначально, вероятно, отражало артикуляционное слияние сильноогубленного *у* с губно-зубным *в* (или – диалектное смешение *оу* [w] и *в* [w]), форма *полтора* свидетельствует о том, что итогом собственно фонетического изменения стало переосмысление числительного и утрата исконной связи с числительным *въторь*. Ключевым моментом в данном преобразовании стало переразложение *полоу вътора* > *полоутора* > *полоу-тора* на фоне Р–Д–МП *полоу*, откуда после обобщения компонента –*тор(а)* возникла новая форма И–ВП *пол-тора*. См.:

тъ имаша на нихъ нѣ съ *полоуторы* тысяще грѣвнъ ЛН XIII₂, 18 об.; избѣша ихъ *полоутора* • ста 23

vs.

польра <так!> роубля сѣрѣбромъ ГрБ № 500 (20–30 XIV)⁸; *по(л)торы* коробѣи соли у старостѣ 568 (40–70 XIV); а в ней *по(л)тора* (с)та семии АСВР, III, № 322 (1371); ѣхали бо бѣху по повелѣнью Ростовецѣ противу князема • с *полторы* тысячѣ ЛЛ 1377, 126; вотола в *полтора* <рубля> ГрБ № 521 (XIV/XV); тѣхъ же • ꙗ • локо(т) а нашихъ • ꙗ • тѣхъ ли ꙗ • а нашихъ *польторы* тысоущѣ Пал 1406, 51в; Глѣбъ же посла • брата своего Михалка • и съ нимъ Переяславѣцъ • сто • а Берендѣевъ • *полторѣ* тысяще ЛЛ ок. 1425, 198 об.; и ѣша ихъ • руками • *польторы* тысячѣ 199; и(м) да(т) за то село вкладѣ на престо(л) *по(л)торы* тысящи рѣбле(в) АСВР, I, № 71 (ок. 1430).

О тенденции к универбации могут говорить новообразования в половинных обозначениях десятков. Вместо постоянного синтаксического форманта РП ед. *десяте* здесь стал употребляться РП мн. *дѣсѣтъ*, являвшийся постоянным членом в числительных ‘50’–‘80’. На универбацию указывает и вызванное безударностью сокращение гласного *дѣсѣтъ* > *дѣсѣтъ*⁹. См.:

ис<п>равить по изростомо *поло третѣя дѣсѣто* гривно сѣрѣбра ГрБ № 61 (30–60 XIII); пришли бо бѣху въ *полоушестадѣсѣтъ* шнекъ ЛН XIII₂, 32 об.; слоуживъшо ѣмоу ѣ сѣго иакова *польпѣтадѣсѣтъ* лѣ(т) 48 об.;

отсюда –

А скота рогатого воловъ и коровъ и телѣ(т) малы(х) *по(л) семадѣсѣ(т)* АСВР, I, № 71 (ок. 1430).

На универбацию числительного ‘25’ повлияли новые формы числительного *тритцѣтъ* < *тридѣсѣтъ* < *тридѣсѣте*:

а ржи кадъ • по • ꙗ • грѣвнъ • а въ дворехъ • по *по(л) ꙗ* ЛН XIII₂, 111; дати имъ на вербницу безъ • ѣ • сту. и безъ *полутретѣядѣчати* серебра. въ низовьскыи же вѣсѣ ГВНП № 11 (1317)¹⁰; а възѣ есмь оу старца оу кирила посильице, *польтредѣятцѣтъ* бѣлъ АСВР, II, № 8 (1397–1427); и пожень не и(с)кали за *по(л)тредѣѣтца(т)* лѣтъ АСВР, I, № 373 (1467–1474).

Половинные обозначения сотен и тысяч не претерпели изменений:

А изъ рѣшовьской волости проходить *поль третѣя ста* коло(д) ГрЮЗ № 38 (1386–1418)¹¹; избѣша ихъ *поль третѣи тысячѣ* ЛЛ ок. 1425, 219 об.¹²; ржи *пол третѣя ста* копе(н) АСВР, I, № 90 (1432–1445).

⁸ С пропуском слога *-то-*.

⁹ Правда, это может быть и просто графическая мена *e = ъ*.

¹⁰ Форме из ГВНП № 11 можно дать разную объяснения.

¹¹ Т. е. 250.

¹² Т. е. 2500. По твердому образцу: *третѣи* вместо *третѣѣ*.

ИСТОЧНИКИ

АСВР – *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.*, т. 1–3, Москва 1952, 1958, 1964.

ГА XIV₁ – В. М. Истрин, *Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*, т. 1: Текст, Петроград 1920.

ГВНП (+ номер грамоты) – *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва–Ленинград 1949.

Гр 1371 (ряз.) – АСВР, III, № 322.

Гр 1397–1427 (белоз.) – АСВР, II, № 8.

Гр н. XIV (пск.) – ГВНП, № 332.

Гр ок. 1430 – АСВР, I, № 71.

Гр 1432–1445 – АСВР, I, № 90.

Гр 1467–1474 – АСВР, I, № 373.

ГрБ (+ номер грамоты) – *Грамоты берестяные*, [в:] Зализняк 2004.

ГрМ (+ номер грамоты) – *Московские грамоты XIV в.*, [в:] *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, Москва–Ленинград 1950.

Гр ок. 1130 – *Грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю*, [в:] С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, *Хрестоматия по истории русского языка*, ч. I, Москва 1952, с. 33.

ГрС (+ страница издания) – *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*, подгот. к печ. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин, ред. Р. И. Аванесов, Москва 1963.

ГрЮЗ (+ номер грамоты) – *Грамоты XIV ст.*, упорядк., вст. ст., ком. і слов.-показ. М. М. Пещак, Київ 1974.

ЖФСт к. XII – *Житие Феодора Студита*, [в:] *Выголексинский сборник*, изд. подготовили В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Гольшченко, Москва 1977.

КН 1285–1291 – *Новгородская кормчая*, рукопись ГИМ, Син., № 132 (по фотокопии).

ЛИ ок. 1425 – *Ипатьевская летопись*, ПСРЛ, т. 2, Москва 1962.

ЛЛ 1377 – *Лаврентьевская летопись*, ПСРЛ, т. 1, Москва 1962.

ЛН – *Новгородская харатейная летопись*, издано под наблюдением М. Н. Тихомирова, Москва 1964; **ЛН XIII₂** – л. 1–118 об.

Надп XII – *Надпись на серебряной чаше*, [в:] Медынцева 2000, с. 117 (прорись).

Пал 1406 – *Палея толковая по списку, сделанному в Коломне в 1406 г.*, вып. 1–2, Москва 1892–1896.

ПНЧ к. XIV – *Пандекты Никона Черногорца*, рукопись ГИМ, Чуд., № 16 (по фотокопии).

ПС к. XI – *Синайский патерик*, изд. подготовили В. С. Гольшченко, В. Ф. Дубровина, Москва 1967.

ПСРЛ – *Полное собрание русских летописей*.

ПсЧ XI – В. Погорелов, *Чудовская Псалтырь XI в., отрывок Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе*, Памятники старославянского языка, т. 3, вып. 1, Санкт-Петербург 1910.

СБУ XII/XIII – *Успенский сборник XII–XIII вв.*, Москва 1971.

СБЧуд к. XIV (1) – *Сборник Чудова монастыря*, рукопись ГИМ, Чуд., № 20 (по фотокопии).

УСвят 1136/1137 сп. сер. XIV – *Устав Святослава Ольговича*, [в:] М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина, *Два памятника новгородской письменности*, Москва 1952, с. 28–30 (фото).

Уст к. XII – *Устав студийский церковный и монастырский, конца XII в.*, [в:] А. М. Пентковский, *Титикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси*, Москва 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- Жолобов О. Ф.**, (1998), *Символика и историческая динамика славянского двойственного числа*, Beiträge zur Slavistik, Bd. 35, Frankfurt am Main.
- Зализняк А. А.**, (1995), *Древненовгородский диалект*, Москва.
- Зализняк А. А.**, (2004), *Древненовгородский диалект*, изд. 2, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва.
- Медьнцева А. А.**, (2000), *Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века)*, Москва.
- Comrie B.**, (1992), *Balto-Slavonic*, [in:] *Indo-European Numerals*, Trends in Linguistics. Studies and Monographs, Vol. 57, Berlin–New York, p. 717–833.
- Mucke K. E.**, (1891), *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch-Wendischen) Sprache*, Leipzig.

Oleg F. Zholobov

**PECULIARITIES OF THE HALF-PART COUNTING SYSTEM
IN OLD RUSSIAN**

S u m m a r y

The article deals with the investigation of the half-part counting system in Old Russian. The half-part counting system is an Indo-European dialectism. In Old Russian it is constituted the word **pobъ* ‘half’ and the ordinal numeral in the genitive. The ordinal numeral in this case signified the anterior to the mentioned number of units. The article proves that the indefinite and definite forms of the ordinal numeral were strictly differentiated, not as the indefinite and definite forms of adjectives, which the ordinal numerals erroneously identified with. In the half-part quantitative only indefinite (nominal) forms of the numerals were used, and in other cases only definite forms were used. The half-part quantitative had being preserved in Old Russian sources of different styles and genres. The changes in it began in the late Old Russian period and they showed themselves in the influence of other compositive numerals.